
РОЛЬ РЕЛИГИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАУКИ И ФИЛОСОФИИ

КРЕАТИВЫ ХРИСТИАНСКОЙ МЕТАФИЗИКИ*

В.А. Яковлев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В статье рассмотрены три программы современных метафизических исследований. Особое внимание уделяется анализу теолого-метафизической программы. Выявляются наиболее важные креативы христианской метафизики, определившие генезис и развитие классической науки. Дается характеристика семи исследовательских программ метафизики Античности как духовно-теоретического базиса новоевропейского мировоззрения.

Ключевые слова: метафизика, христианство, креативы, исследовательские программы, цивилизация, вера, теология, наука, законы.

В настоящее время метафизические исследования развиваются по трём взаимосвязанным программам – философской, естественнонаучной и религиозной.

Метафизика выражает наиболее абстрактную форму рефлексии над проблемами бытия, познания, морали и праксиса. Она является сердцевинной (ядром) философского знания и любого другого знания. «С самого своего возникновения в философии, – справедливо пишут А.В. Иванов и В.В. Миронов, – наличествует некое прочное центральное ядро, как бы сердце философии» [1. С. 50–51]. Можно согласиться с мнением авторов, что термин «метафизика» не следует отождествлять с термином «философия». Более правильно придерживаться ставшего классическим представления «о метафизике как философской теории, исследующей предельные основания бытия или первоосновы всего сущего» [Там же. С. 51].

При таком понимании метафизика выступает как фундаментальное основание философии в целом, её сущностная структура. Вся дифференциация философских дисциплин, уточняет В.В. Миронов, «реализуется лишь внутри общего метафизического пространства, ибо, в той или иной степени, любая конкретная философская дисциплина (от эстетики до философии рели-

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 12-03-00241).

гии) представляет собой ту или иную конкретизацию общих метафизических ракурсов исследования (онтологического, гносеологического и аксиологического), а также сложившихся в истории философии фундаментальных метафизических (или философско-теоретических) ходов мысли» [2, с. 40].

Метафизика, иначе говоря, должна выполнять роль бойскаута, стремясь преодолеть границы познанного и заглянуть в ещё неведомое.

Эвристическую функцию метафизики в немецкой классической философии ясно и точно выразил И. Кант. Хотя метафизика, по его мнению, не является наукой в том смысле, в каком являются физика и математика, однако она выражает неотъемлемое свойство разума, его попытки выйти за сферы трансцендентального в сферу трансцендентного (от феноменов к номунам), хотя это и ведет к известным антиномиям. Кант пишет: «Метафизика существует если не как наука, то, во всяком случае, как природная склонность (*metaphysica naturalis*). В самом деле, человеческий разум в силу собственной потребности, а вовсе не побуждаемый одной только суетностью всезнайства, неудержимо доходит до таких вопросов, на которые не может дать ответ никакое опытное применение...» [3. С. 42]. Говоря иначе, это метафизическое свойство разума есть «неистребимая потребность человека».

В XX в. наиболее оригинальной и всесторонне представленной является метафизика М. Хайдеггера. Ядро этой метафизики – идея фундаментальной онтологии. Философ пишет: «Раскрытие бытийной конституции вот (здесь)-бытия есть онтология. Поскольку в ней должна быть заложена основа возможности метафизики, – фундамент которой суть конечность вот (здесь)-бытия, – она называется *фундаментальной онтологией*» [4. С. 90].

Наряду с вышесказанным можно отметить ещё два важных аспекта эвристической роли метафизики для развития именно естествознания. Первый состоит в том, что именно в рамках различных метафизических программ Древней Греции были проработаны важнейшие понятия, составившие ядро науки Нового времени.

В отечественной философии науки этот аспект довольно полно исследован В.С. Стёпиным, хотя он в своё время ещё не делал различия между «метафизикой» и «философией». «Сопоставление истории философии и истории естествознания, – пишет В.С. Стёпин, – позволяет констатировать, что философия обладает определёнными прогностическими возможностями по отношению к естественнонаучному поиску, поскольку она способна заранее вырабатывать необходимые для него категориальные структуры» [5. С. 42].

В западной философии науки данный аспект вопроса о креативной функции метафизики всесторонне исследовал автор так называемой «исторической эпистемологии» М. Вартофский. Он показал, что «понятия материи, движения, силы, поля, элементарной частицы и концептуальные структуры атомизма, механицизма, прерывности и непрерывности эволюции и скачка, целого и части, неизменности в изменении, пространства, времени, причинности... первоначально имели метафизическую природу и оказали

громадное влияние на важнейшие построения науки и на её теоретические понятия» [6. С. 63].

Второй аспект, также проанализированный М. Вартофским, заключается в латентном креативном влиянии на теоретическую деятельность учёных фундаментальных структур метафизических концепций, формирующих в своей совокупности исходное представление о научной рациональности. «История альтернативных метафизических систем, – согласно М. Вартофскому, – предстает... как богатейшее наследие теорий структуры, в которых в наиболее общей форме выражены существенные черты теоретического построения знания» [6. С. 84]. На примере хорошо разработанных систем метафизики учёные обучаются приёмам систематизации материала, референции, абстрагирования и идеализации, что является необходимым для их профессиональной работы.

В последние 10–15 лет отмечается существенное расширение сферы исследований по метафизике со стороны учёных. Так, А.И. Панченко ставит вопрос о введении и осмыслении таких новых понятий, как «трансцендентальная физика» и «экспериментальная метафизика» [7. С. 68]. О новой метафизической онтологии говорят в связи с исследованиями происхождения Мультиверса (Метагалактики) и «нашей» Вселенной (теория Большого взрыва, теория струн и др.). Обсуждаются метафизическая структура «последней реальности» («теория Всего»), под которой понимают космологический вакуум, а также телеологичность развития Вселенной (антропный принцип). С.Н. Жаров и Н.А. Мещеряков, на основе анализа теорий известных физиков и космологов С. Вайнберга, Д. Гросса, А.Д. Линде, приходят к выводу: «Современная космология сдвигает классически понятые границы между физикой и метафизикой, что свидетельствует о смысловом переплетении физического и метафизического в космологическом дискурсе» [8. С. 125].

В.В. Казютинский показывает, что революционные, по его мнению, открытия в физике космоса требуют переосмысления метафизического понимания реальности: «Суть проблемы: что такое реальность, реально ли только наблюдаемое, или же (по крайней мере, в некоторых случаях, предусмотренных физическими теориями) ненаблюдаемое также может рассматриваться как определённый тип или форма физической реальности?» [8. С. 8]. Скрупулёзно анализируя известные космологические теории (А.А. Фридмана, А. Эддингтона, Дж. Джинса, Р. Пенроуза, Б. Грина, С. Хокинга и др.), учёный приходит к методологически важному выводу о правомерности позиции признания объективной реальности не самой по себе, а как формы её проявления в познавательных ситуациях на экспериментально-наблюдательной основе соответствующих фундаментальных теорий.

С метафизических позиций, по нашему мнению, подходит к рассмотрению природы физико-математического знания Ю.И. Кулаков. Он полагает, что в математике и физике можно выделить так называемые сакральные структуры, причём сакральная физика рассматривается как часть сакральной

математики. «Дело в том, – пишет Ю.И. Кулаков, – что наряду с макромиром и с невидимым микромиром существует не менее важный для нас, – ещё один невидимый мир – Мир Высшей реальности. О необычной физике этого Мира и идет речь в Теории физических структур» [9. С. 135].

Глубокий анализ влияния метафизических программ на развитие физики проводит известный физик Ю.С. Владимиров. Он считает, что «метафизику следует рассматривать как иерархию из восьми метафизических парадигм: (редукционистской) триалистической, трёх пар дуалистических и одной монистической (холистической), которые представляют собой взгляд на единое мироздание под разными углами зрения» [10. С. 5].

Особое внимание Ю.С. Владимиров уделяет разработке программы так называемой бинарной геометрофизики. Эта программа, как считает учёный, «самым непосредственным образом связана с метафизикой и её принципами, без которых невозможно обсуждение оснований любой дисциплины. При этом следует сразу же подчеркнуть, что метафизика предназначена не для доказательств, а именно для осмысления исходных принципов, используемых теоретических конструкций и полученных результатов. Доказательства же – задача математики и физики» [11. С. 151–152]. Необходимо согласиться с физиком, «что бессмысленно требовать доказательств наличия того или иного метафизического принципа. Они, как и аксиомы в геометрии, не доказываются, а открываются и используются. Их правомерность обосновывается лишь плодотворностью развиваемых на их основе рассуждений» [12. С. 93].

В настоящее время всё более активизируется диалог между различными ветвями христианства и научным сообществом. Это связано как с новейшими открытиями в естествознании, так и глобальными проблемами, с которыми столкнулось человечество на рубеже XX–XXI вв. Естественнонаучная программа метафизических исследований осмысливается, прежде всего, в плане возможности разработки общей методологии теолого-научных исследований, а также мировоззренческой интерпретации новейших открытий в физике, космологии и биологии.

Известный современный физик Р. Рассел считает необходимым формирование общей методологии теологических и научных исследований, поскольку, по его мнению, существенно расширилось поле междисциплинарных исследований «теология и наука». Метод критического реализма становится определяющим для совместных научно-теологических проектов (см. [13]).

Довольно оригинальным представляется подход другого известного западного физика Яна Барбэра к методологии совместных теолого-научных исследований [14]. Учёный считает, что способы проверки научных теорий довольно сходны с теологическими методами доказательств, если их рассматривать в обобщённом плане. Так, и наука, и теология опираются на определённые данные – в науке это эмпирические факты, а в теологии – религиозный опыт и тексты Писания. В каждой духовной сфере существуют свои сообщества экспертов, которые оценивают предлагаемые новации как с

точки зрения их претензии на разумность и истинность, так и с эстетических, и аксиологических позиций. При этом и в науке, и в религии всегда сосуществуют конкурирующие доктрины, ведутся дискуссии, а также большое значение имеют исторический и социокультурный факторы. В то же время, как считает Барбаэр, хотя наука многое объясняет из того, что существует в мире, есть такие проблемы и вопросы, которые выходят за пределы возможностей науки в принципе. Например, такой глубоко метафизический вопрос, – почему вообще существует мир?

Широкую известность приобрело также высказывание крупного учёного, биолога Фр. Коллинза, руководителя международной программы по расшифровке генома человека: «Научное исследование есть проявление любви к Богу и служения Ему» (цит. по [15. С. 8]).

Еще одна – теолого-метафизическая – программа была заложена ещё в эпоху Средневековья. Христианская религия и римско-католическая церковь, как пишет В.В. Соколов, «послужили своеобразным, даже главным связующим звеном между культурой античного мира, с одной стороны, и культурой европейского феодализирующегося мира – с другой» [16. С. 98].

Можно сказать, что уже в исходном эпизоде библейской истории человека, вкусившего плода от древа познания, выражается не только греховная дерзость, но и сущностное стремление человека, сотворённого по образу и подобию божью, к пониманию и объяснению мира на основе дарованной ему Богом свободы, подразумевающей и родовую ответственность за этот рискованный поступок.

В то же время уже Аврелий Августин подчёркивает отличие своей позиции от античных академиков-скептиков, сомневающихся в возможности достижения истины. С его точки зрения, именно креатив истинной веры есть необходимое условие достижения истинного знания. Как тело не может существовать без пищи, так и «душа питается разумением вещей и знанием...» [17. Т. 1. С. 594].

Схоласт Фома Аквинский выдвигает креатив различения способов (методов) познания, определяющих прогрессирующее многообразие наук. Теолог пишет: «Различие в способах, при помощи которых может быть познан предмет, создаёт многообразие наук. Одно и то же заключение, как то, что земля круглая, может быть сделано и астрологом, и физиком, но астролог придёт к нему через посредство математического умозрения, отвлекаясь от материи, физик же через посредство рассуждений, имеющих в виду материю» [Там же. Т. 3. С. 826].

В VIII в., как известно, в Европе наблюдался довольно значительный культурно-образовательный подъём, получивший название Каролингского Возрождения. При дворе императора Карла Великого была образована «Академия», к работе в которой привлекались наиболее образованные и известные люди того времени. Эта «Академия» стала, по существу, креативным центром просвещения, образования и гуманитарных исследований Европы того времени.

Однако в дальнейшем официальный приоритет возымела так называемая программа «христианской мудрости» Папы Григория I, в которой он призывал ограничивать образовательный процесс рамками вероучения и богословия. Тем не менее внимание к светскому знанию сохранялось даже в церковных школах, а его хранителями и систематизаторами нередко выступали сами священнослужители, как, например, епископ Толедо Исидор Севильский.

В эпоху Возрождения важную позитивную роль в становлении науки Нового времени сыграл кардинал Николай Кузанский.

Он одним из первых оценил всё значение математики для успешного развития процесса познания мира. Более того, он придал трансцендентальный креативный статус различным сферам духовной деятельности человека, представив их как некий инструментарий творения Богом мироздания. Кузанец пишет: «Бог пользовался при сотворении мира арифметикой, геометрией, музыкой и астрономией, всеми искусствами, которые мы также применяем, когда исследуем соотношение вещей, элементов и движений» [17. С. 68].

Важно также отметить, что *креативы пантеизма и органицизма* сочетаются у Кузанца с *креативом механицизма*, который впоследствии станет ведущим в философии и науке XVII в. Мыслитель пишет: «Машина мира имеет, так сказать, свой центр повсюду, а свою окружность нигде, потому что Бог есть окружность и центр, так как он везде и нигде...» [18. С. 107]. Причём, согласно теологу, хотя машина мира и была сотворена Богом, она не может быть разрушена (то есть, иначе говоря, «конец света» отрицается?! – В.Я.), поскольку Бог сам олицетворяет извечный космический механизм.

Переходя от религиозно-метафизических размышлений к спекулятивно-астрономическим, Кузанец делает далеко идущий вывод, во многом предваряющий теорию Коперника, о невозможности существования Земли как центра Вселенной. Философ-теолог опережает учёного и в гипотезе вращения Земли по своей орбите, и в предположении о безграничности Космоса. Он также выдвигает идею о возможности существования множества населённых миров, поскольку, по его мнению, так как Земля не есть центр мира, то и окружность его не является сферой неподвижных звёзд. Кузанец вполне уверен, что Земля на самом деле движется, хотя это нами не ощущается, ибо движение определяется лишь при наличии чего-то неподвижного.

Однако всё же, необходимо отметить, что Кузанец как адепт христианской метафизики признаёт исключительность и приоритетность именно земной человеческой ойкумены. И это даже в том случае, если, как он допускает, на других небесных телах имеются свои обитатели.

Исходя из пантеистических принципов, Кузанец выдвигает креатив универсальной связи, существующей в природе, а также возможности её развёртывания, свёртывания и непрерывной эволюции природных явлений.

Сообразуясь с рамками статьи, не будем здесь говорить о других великих духовных лидерах Ренессанса и первых учёных, сформировавших *креативы гуманизма, активизма, секуляризма, научности* и в то же время истинно верующих в то, что познание мира есть богоугодное дело, поскольку позволяет человеку постоянно совершенствоваться в своей экзистенции (см., например, [19. С. 142–150]). *Креативы новых универсалий культуры привели к переоткрытию креатива человеческого микрокосмоса как метафизического средоточения всех информационных каналов Вселенной*. Бесспорен вывод известного историка философии и науки В. Виндельбанда: «Современное естествознание – дитя гуманизма» [20. С. 297].

Во второй половине XX в. известный британский биохимик и авторитетный историк китайской цивилизации Дж. Нидэм поставил ряд вопросов, которые можно обобщить следующим образом: «Как случилось, что классическая наука, с её математикой, гипотетико-дедуктивным и эмпирико-индуктивным методами, приборной базой и нацеленностью на покорение природы возникла лишь на Западе, а не на Востоке? Почему наука, несмотря на все прозрения отдельных восточных философов и учёных, так и не развилась в Китайской цивилизации или Индийской, или Арабской? Ведь известно, что уровень знаний и культуры в этих цивилизациях ещё в конце XIV в. был существенно выше, чем в Европе» [21].

На мой взгляд, развитию Арабской цивилизации в методологическом плане во многом способствовала определённое время так называемая теория двойственной истины, выдвинутая Аверроэсом (Мухаммед Ибн Рушд). В Багдаде в VII в. был построен Храм Мудрости, где работали учёные и переводились с древнегреческого труды философов и учёных Античности. Лишь в переводе с арабского в Европе стал известен главный труд К. Птолемея, получивший латинское наименование «Альмагест». В математике уже с IX в. на Востоке использовались индийские цифры, названные впоследствии арабскими, то есть было введено позиционное исчисление (трактат по арифметике Мухаммеда Аль Хорезми – Алгоритмуса, работы по математике известного поэта Омара Хайяма, начала алгебры Ибн Куры). Была предложена расширенная аристотелевская классификация наук (Аль Фараби). Развивалась астрономия (Аль Бируни, обсерватория Мухаммеда Улугбека близ Самарканда) и медицина (Авиценна). Однако в дальнейшем ислам оказался в теоретическом плане более консервативным по отношению к научным исследованиям, чем христианство.

В Европе лишь в XIV в. добытые на Востоке знания и другие новшества (порох, бумага, компас) получают распространение и становятся в дальнейшем основой ускоренного цивилизационного развития и науки Нового времени. Как тут не вспомнить о «мятущейся фаустовской душе» (О. Шпенглер) европейцев, требующей непрерывного действия как в расширении своей ойкумены, так и покорении природы. В культуре Возрождения реанимируется принцип «агона» Античности, укрепляется вера в духовные силы человека и появляется вера в фундаментальные законы природы.

Однако откуда появляется этот важнейший креатив веры в фундаментальные законы природы? Глубокое исследование данной проблемы предпринял в 40-е гг. XX в. известный историк науки Э. Цильзель [22. Р. 245–279]. Он показал, что выражения «физический закон» и «закон природы» появились в контексте христианской метафизики в конце XVII в. Сначала понятие «законы» трактовалось как «*Законы, установленные Богом для природы*», и лишь после трудов известных учёных – Коперника, Галилея, Кеплера, Декарта, Бойля, Ньютона, Паскаля и др. – это понятие трансформировалось в «*законы природы*». Для искренне верующих учёных, называвших ещё зарождающуюся науку «натуральной философией», второе понятие фактически было синонимом первого. *Креатив* Библейской веры в Творца-Создателя и созданного по его подобию человека трансформировался в *креатив* веры в возможность истинного («интенсивного», по терминологии Галилея) познания мира.

В китайской культуре такой трансформации так и не произошло, о чём свидетельствует документ-отчёт католической миссии 1737 г.: «*Мы объясняем китайцам, что Бог, создавший Вселенную из ничего, управляет её всеобщими законами, достойными Его бесконечной мудрости, и что все творения подчиняются этим законам с изумительной регулярностью. Китайцы отвечают, что эти высокопарные слова не несут им никакого содержания. Законами они называют порядок, установленный законодателем, который имеет власть предписывать законы тем, кто способен их исполнять, и, значит, способны их знать и понимать. А считать, что Бог установил всеобщие законы, означает, что животные, растения и вообще все тела имеют знание об этих законах и, следовательно, наделены пониманием, что, как говорят китайцы, абсурдно*» (цит. по [23. С. 14]).

Как показала история, то, что считалось абсурдным для китайцев, стало фундаментальным *креативом* генезиса новоевропейской классической науки.

В наши дни теологи Папской академии наук регулярно проводят специальные тематические конгрессы, посвящённые проблемам метафизики. Автор данной работы непосредственно участвовал в работе I Конгресса «Метафизика третьего тысячелетия» (Рим 2000 г.) и III Конгресса «Метафизика. Культура. Наука» (Рим 2006 г.). В выступлениях участников конгрессов и подготовленных печатных материалах метафизика, в отличие от традиционного, идущего от Античности понимания её как теории о сущностных онтологических причинах бытия, переосмысливалась в качестве связующего звена между наукой, философией и религией. Предлагалось рассматривать метафизику в широком плане – в качестве фундаментальной метатеории, лежащей в основании всех частей философского знания, базовых научных концепций и мировых религий.

Содержательно теологи в целом трактовали метафизику как совокупность определённых трансцендентальных (априорных) идей, тождественных

в своей целостности идее Бога. Причём личностное, антропоморфное божественное начало как бы отходило на второй план.

При этом критиковались известные философские направления. В частности, феноменология и позитивизм критиковались за то, что их разработчики считают невозможным в принципе проникнуть в сущность чего-либо, а значит, отрицают понятие сущности как пустое и бесполезное, полагая, что наука должна довольствоваться только установлением связей между явлениями. Экзистенциализм Хайдеггера, Сартра, Камю не устраивал католических теологов в связи с преимущественной ориентацией онтологии на одностороннюю проблематику человека – его «бытия к смерти». Материализм, начиная с Демокрита и Эпикура, далее, французских материалистов-просветителей и марксистской философии, представлялся в целом крайне неполноценным учением, ввиду стремления объяснить всё и вся исходя только из человеческого опыта и социальной практики.

В гносеологическом плане критиковался современный релятивизм, отстаивающий постулаты методологии принципиального плюрализма научных теорий и их интерпретаций. Это направление философии науки появилось в связи с новейшими открытиями в естествознании, поставившими под сомнение многие истины классической науки. В целом утверждалось, что наука как одна из сфер культуры без метафизики теряет смысл и ценностные гуманистические ориентиры.

Этический вектор современной цивилизации, с точки зрения католических теологов, утрачивая христианскую метафизическую основу, всё более определяется не духовностью, а прагматикой, меркантильностью, эгоизмом, что особенно отчётливо выражается в философии постмодернизма, вообще отрицающего наличие каких-либо объективных человеческих ценностей.

Важнейшей особенностью метафизики современного католицизма является попытка осмысления так называемого мистического опыта. Мистицизм, известно, имеет длительную историю. Это – важнейшая составляющая также учений даосизма и кабалы, средневековых философов Б. Клервосского, М. Экхарта, Я. Бёме, а также Р. Штайдера, В.С. Соловьёва, матери Терезы, известного индийского мистика Ошо и др.

Современная католическая метафизика стремится рационализировать мистический опыт, считая, что он «возможен тогда и только тогда, когда у человека уже есть представление о трансцендентальном» [24. С. 144].

Согласно профессору Т. Кацу, мистический опыт не может быть лишь эмоционально-чувственным. Он всегда может и должен быть концептуально выражен, так как индивид сообщает посредством речи, то есть логоса, другим людям, что он испытал нечто необычное и взволновавшее его. Однако степень рационализации мистического опыта и его экстраполяции пока не определены. Т. Кац считает, что «мистический опыт постоянно присутствует и транслируется в культуре. Уловить этот опыт возможно... с помощью техники медитации, поскольку опыт медитации тоже транслируется в культуре многих народов» (см., например, [24. С. 146]).

Некоторые теологи утверждают, что каждый человек испытывает, так или иначе, мистический опыт, когда в раннем возрасте бессознательно овладевает родным языком, не зная ни его морфологии, ни синтаксиса.

Профессор Д. Мюррей, в свою очередь, подчеркнул, что «мистическая теология изучает трансформацию человека через его причастность к божественному. Но для этого нужен новый язык, сопрягающий мистическое и рациональное. Уже известны некоторые примеры, которые можно рассматривать в качестве предварительных эмпирических данных. Это – самоотчёты пациентов о жизни после смерти (мистический опыт клинической смерти)» [24. С. 146].

Президент III Конгресса «Метафизика, культура, наука» А. Фернандес также утверждал, что «важнейшие трансцендентальные события в жизни человека – любовь, надежда, крещение и другие церковные таинства – всегда трактовались как свидетельство того, что люди в своей жизни, так или иначе, испытывают мистический опыт» [Там же].

В целом можно сказать, что современные католические и протестантские теологи глубоко осознают необходимость постоянного диалога с естествоиспытателями и совместного теометафизического осмысления наиболее актуальных и острых проблем современной науки. Кроме того, католическая церковь самокритично признала свои ошибки в отношениях с учёными в прошлом. Не случайно в 350-ю годовщину публикации «Диалогов» Г. Галилея Папа Иоанн Павел II, говоря об отличиях сущности веры от научных теорий, отметил социокультурную ограниченность священнослужителей как субъектов определённой эпохи. В 1984 г. специально созданная Ватиканская комиссия, как известно, признала ошибочность церковного судебного процесса и осуждения Г. Галилея.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время всё более глубокий метафизический подход к развитию современной науки, осмыслению новейших научных открытий и выяснению фундаментальных религиозных ценностей генезиса науки демонстрирует православная ветвь христианства.

Так, в докладе на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2000 г. председателя Синодальной Богословской комиссии митрополита Минского и Слуцкого Филарета, патриаршего экзарха всея Белоруси, было подчеркнута, что проблема «богословского осмысления методов и пределов фундаментальных наук, претендующих на обладание объективным знанием о мире, является актуальной для православного богословия на рубеже третьего тысячелетия» (см. [25. С. 89]).

Игумен Филарет (Булеков), Представитель Русской Православной Церкви на семинаре «Эволюция моральных ценностей и прав человека в многокультурном обществе» (Страсбург, 30 октября 2006 г.), выступил с докладом «Эволюция понятия прав человека: поиск Диалога». Богослов А.И. Кырлежев на том же семинаре представил доклад «Взаимоотношение концепции прав человека и религиозных ценностей». Оба церковных деятеля говорили о ценностях как в общем метафизическом плане, подчёркивая

их фундаментальный характер, так и применительно к особенностям современного цивилизационного процесса.

С православно-метафизической точки зрения, ценность и место «человека в мире определяется тем, что он является одним из творений, но вместе с тем – творением особенным, *Imago Dei*, образ самого Творца – вот первое определение человека. Разум и свободная воля являются чертами этого образа, и человек обретает их в силу рождения. Однако подлинный источник этих качеств – Бог, а потому их ценность определяется тем, что они позволяют человеку следовать призыву, с которыми к нему обращается Бог: призыву к богообщению и богоуподоблению» [26. С. 27].

Профессиональный физик и богослов, секретарь учёного совета Санкт-Петербургских Духовных Академий и Семинарии, настоятель храма свв. Апп. Петра и Павла при Санкт-Петербургском государственном университете К. Копейкин, исходя из богословской метафизической традиции представления мира как логосной реальности, делает акцент на ценностном значении в натур-теологии Запада категории «света», интерпретированной как *фундаментальная субстанция тварного существа*.

И. Копейкин анализирует учение средневекового мыслителя, оксфордского профессора францисканца Роберта Гроссетеста, епископа Линкольнского, который отводил свету главную роль в процессе творения мира, а также рассматривал свет как *субстанцию понимающего ума*. Будучи физиком, И. Копейкин проводит довольно смелые параллели с фундаментальным значением света как потока фотонов, имеющих незыблемую константу скорости в теории относительности А. Эйнштейна: «Таким образом, – заключает И. Копейкин, – теория относительности свидетельствует, по существу, о том же, о чём говорил когда-то Гроссетест: свет есть начало воспринимаемой нами телесности, понимаемой как способ отношения одной части мира к другой» [27. С. 131].

Кроме того, богослов делает акцент на единой метафизической системе науки и религии, в рамках которой и должны обсуждаться важнейшие вопросы взаимосвязи Бога, человека и природы. Поскольку наука постоянно находится в развитии, постольку необходимым является её непрерывающийся диалог с христианской религией.

Добавим, что таинства литургии и возвышенность церковнославянского языка всегда сохраняли определённый мистический характер в православной ветви христианства.

С учётом вышеизложенных идей в данной статье предлагается существенно расширить понятие метафизики. Представляется, что *любые принципы в любой науке*, а тем более философские принципы, являются метафизическими. Принципы не обосновываются, поскольку само обоснование, в свою очередь, потребовало бы соответствующего обоснования и т.д., что ведёт к «порочному кругу», или «дурной бесконечности» (Гегель). Принципы открываются, как и законы природы, однако по отношению к последним они, безусловно, первичны. Принципы принимаются по определению, а об их

жизнеспособности и плодотворности судят по тем исследовательским программам, которые обладают «позитивными эвристиками» (Лакатос).

Ту или иную оценку постулируемых принципов, очевидно, можно дать только ретроспективно, что, впрочем, характерно и для научных гипотез и даже математических структур. Но, подчеркнём, принципы-креативы всегда первичны по отношению ко всем теоретическим конструкциям и носят метафизический, априорный, трансцендентальный характер.

В данной работе эти определения используются как синонимы, хотя и имеют свои нюансы. Поскольку, по моему мнению, большинство принципов-креативов было открыто ещё в первом тысячелетии до нашей эры – «осевое время человечества» (К. Ясперс) – то целью последующих исследований должна стать реконструкция целостной системы метафизических исследовательских программ и принципов-креативов в наиболее важных и разработанных философских системах.

Для того чтобы всесторонне осмыслить и понять креативную (эвристическую) функцию метафизики, необходимо историко-философское исследование, то есть исходная, базисная программа, относительно автономная и вместе с тем взаимосвязанная с теологической и естественнонаучной программами.

Историко-философская программа должна показать креативную функцию наиболее плодотворных метафизических принципов для развития науки и культуры в целом. Такие принципы успешных исследовательских программ, доказывающих свою эффективность на протяжении длительного времени, я и называю, как должно быть понятно из вышеизложенного, *креативами*.

Открытие исходных метафизических принципов мироздания – это проявление и результат креативной функции трансцендентального субъекта. С одной стороны, данные принципы выступают как продукт имманентной креативности универсума, а с другой, – сами становятся креативами (исходными импульсами) развития человеческого духа и культуры (так называемая «филиация идей»). Искусственно сконструированные принципы, так же как и гипотезы *ad hoc* в науке, могут играть определённую положительную роль, но в конечном счёте оказываются лишь переходным звеном к фундаментальным принципам устройства природы и человеческой деятельности.

Современникам, как правило, очень трудно определить, является ли выдвинутый принцип подлинным открытием, на основе которого в дальнейшем будут развиваться плодотворные метафизические и научные программы, или это – сконструированный артефакт, тормозящий, а порой и направляющий по ложному пути дальнейшие исследования.

Однако ретроспективно, с позиций современной науки, на мой взгляд, эвристически значимыми выступают семь бинарных взаимодополнительных метафизических программ Античности, в каждой из которых в неразрывном единстве сосуществуют религиозные и естественнонаучные принципы-креативы (см. [28]).

1. Программы, основанные на поиске первоначала («архе») мироздания: в основе мира лежит материальное первоначало (большинство досократиков); VS в основе мира находится нечто идеальное (пифагорейцы, Платон, неоплатоники). Компромиссный вариант – материальное и идеальное как неразрывное единство и основа мироздания (Аристотель, стоики).

2. Программы, опирающиеся на постулирование принципа структурности: мир изначально дискретен (Демокрит, Эпикур, Платон); VS «природа не терпит пустоты» (элеаты, Аристотель, стоики). Компромиссный вариант – мир и дискретен, и континуален (Анаксагор, неоплатоники).

3. Программы взаимодействия и взаимосвязи всех составляющих мироздания: элементы мира могут взаимодействовать между собой, не входя в прямое соприкосновение (дальнодействие атомов под влиянием силы тяжести (Демокрит, Эпикур); VS «пневма заполняет мир, как мед соты» (передача импульса от точки к точке – стоики, Аристотель. Компромиссный вариант – взаимодействие макро- и микрокосмоса происходит одновременно через перманентную эманацию Единого и порождаемые им дискретные структуры Мирового Ума и Мировой Души – неоплатоники).

4. Программы, в основе которых лежит метафизический принцип движения: «всё, что движется, движется чем-то»; перводвигатель должен иметь нематериальную природу (Платон, Аристотель); VS движение есть естественный атрибут самого мира (Гераклит, Демокрит, Эпикур). Компромиссный вариант – движение существует лишь в мире явлений. Истинное бытие неподвижно, неизменно и вечно (элеаты).

5. Программы, исходящие из принципа причинности: «люди измыслили случай». Мир – это совокупность однозначных причинно-следственных связей (Гераклит, стоики, Демокрит); VS спонтанность и вероятность лежат в фундаменте мироздания (Эпикур, Л. Кар). Компромиссный вариант – первоимпульс имеет вероятностный (божественный) характер, а дальше мир развивается по объективным законам (Аристотель).

6. Программы, рассматривающие космоустройство: космос устроен целесообразно и гармонично. Земля – в центре мироздания (Эмпедокл, Платон, Пифагор, Аристотель); VS планета Земля не находится в центре мироздания. Может существовать множество миров (Демокрит, Эпикур). Компромиссный вариант – Земля не является центром космоса, но космос гармоничен (Филолай).

7. Программы, связанные с метафизическим пониманием природы времени: время как иллюзия чувств человека, «тень», «подобие вечности» (элеаты, Платон); VS время – объективная сущность, «поток», длительность, связанная с движением (Гераклит, Аристотель). Промежуточная версия – время циклично и «Платон снова будет разговаривать с Аристотелем» (стоики).

Итак, хотя и довольно схематично, намечена реконструкция основных мировоззренческих исследовательских программ Античности, базирующихся на неизменных, актуальных и по сегодняшний день, метафизических

принципах-креативах. Соглашаясь с известным философом И. Лакатосом, что количество исходных программ в каждой науке носит ограниченный характер, можно выдвинуть дополнительный тезис об исходном наборе открытых древними греками априорных (трансцендентальных) принципов, задавших в целом креативный (эвристический) импульс для последующих конкретно-научных исследований проблем мироздания.

* * *

Ах, метафизика, душа твоя
В миру везде и всюду пребывает.
Ты – знак и смысл, и сущность бытия;
Цвет древа жизни, что не увядает.

От малой крошки хлеба на столе
До самых запредельных звёзд Вселенной
Гармония вещей – в простом числе
И всех фигур пропорции священной.

Ах, метафизика, твой адский труд
Лишь только дюже мудрый замечает:
Где ты на убыль, – энтропии труп
Культуры дух зловоньем омрачает.

Зачем времён связующая нить
И память благодарного потомка?
Не быть гораздо проще ведь, чем быть,
А гедонизм приятней чувства долга.

Рефлексия нас держит на плаву,
Хоть райских кущ она не обещает.
Мысль – ключик к мирозданию всему,
Свет горний истин, что умы прельщает.

Ах, метафизика, – исток всего.
Из категорий все твои одежды.
В них светится природы естество
И наши сокровенные надежды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов А.В., Миронов В.В.* Университетские лекции по метафизике. – М.: Современные тетради, 2004.
2. *Миронов В.В.* Становление и смысл философии как метафизики // *Метафизика. Век XXI. Альманах. Вып. 2.* – М.: Бином, 2007.
3. *Кант И.* Критика чистого разума. – М., 1994.
4. *Хайдеггер М.* Метафизика вот-бытия как фундаментальная онтология // *Мартин Хайдеггер и философия XX века.* – Минск, 1997.

5. *Стёпин В.С.* О прогностической природе философского знания: Философия и наука // Вопросы философии. – 1986. – № 4.
6. *Вартофский М.* Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. – М., 1978.
7. *Панченко А.И.* Физическая реальность: трансцендентальная физика или экспериментальная метафизика? // Философский журнал. – 2008. – № 1. – С. 68–76.
8. Современная космология: философские горизонты / под ред. В.В. Казютинского. – М.: «Канон» РООИ Реабилитация», 2011.
9. *Кулаков Ю.И.* Теория физических структур – математическое основание фундаментальной физики // Метафизика. Век XXI. – М.: Бином, 2006.
10. *Владимиров Ю.С.* Предисловие редактора / Метафизика. Век XXI. – М.: Бином, 2006.
11. *Владимиров Ю.С.* Реляционные основания физики и метафизика // Метафизика. Век XXI. Альманах. – Вып. 2. – М.: Бином, 2007.
12. *Владимиров Ю.С.* Фундаментальная теоретическая физика и метафизика // Метафизика. – 2011. – № 4.
13. *Russell R.J., Wegter-McNelly K.* Science and Theology: Mutual Interaction // Bridging Science and Religion / T. Peters, G. Bennett, eds. – L., 2003. – P. 19–34.
14. *Barbour J.* Religion in an Age of Science: The Gifford Lectures, 1989–1991. – Vol. I. – Ch. I: Ways of Relating Science and Religion; Ch. 3: Similarities and Differences. – N.Y., 1990. – P. 3–30, 66–92.
15. *Goodyear M.* Francis Collins: Love God With a Scientific Mind. URL: <http://www.christianitytoday.com/workplace/articles/interviews/franciscollins2.html>.
16. *Соколов В.В.* Средневековая философия. – М., 1979.
17. Антология мировой философии: в 4 т. – Т. 1. – Ч. 2. – М., 1969; Т. 3. – 1970.
18. *Николай Кузанский.* Соч.: в 2 т. – М., 1980. – Т. 2.
19. *Яковлев В.А.* Христианская метафизика и генезис классической науки // Философия и культура. – 2011. – № 6 (42).
20. *Виндельбанд Вильгельм.* История философии. – К.: Ника-Центр, 1997.
21. *Needham J.* The Grand Titration: Science and Society in East and West. – Toronto: University of Toronto Press, 1969.
22. *Edgar Zilsel.* The Genesis of the Concept of Physical Law // The Philosophical Review. May 1942.
23. *Горелик Г.Е.* О рождении современной физики и о роли интуиции // УФН. – 2012. – № 10. Трибуна. № 115.
24. *Суркова Л.В., Яковлев В.А.* Метафизика в Ватикане // Метафизика. Век XXI. Альманах. Вып. 2: сб. статей / под ред. Ю.С. Владимирова. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2007.
25. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви: сб. докладов и документов. – СПб., 2000.
26. *Кырлежев А.И.* Взаимоотношение концепции прав человека и религиозных ценностей // Церковь и Время: научно-богословский и церковно-общественный журнал. – 2006. – № 4 (37). URL: christianitytoday.com/workplace/articles/interviews/franciscollins2.html.
27. *Копейкин К.* Богословский и естественнонаучный взгляд на онтологическую природу мироздания // Метафизика. – 2011. – № 1.
28. *Яковлев В.А.* Метафизика креативности // Вопросы философии. – 2010. – № 6. – С. 44–54.

CREATIVE IDEAS OF CHRISTIAN METAPHYSICS

V.A. Yakovlev

The article examines three programs of contemporary metaphysical research. Particular attention is given to the analysis of the theological-metaphysical program. The most important creative ideas of Christian metaphysics which determined the genesis and development of classical science are identified. A characterization is given of seven programs of research into the metaphysics of antiquity as the spiritual and theoretical basis of modern European world view.

Key words: metaphysics, Christianity, creative ideas, research programs, civilization, faith, theology, science, laws.